

Было мучительно.

Хан Сяоши, обладая глубокими познаниями, знал, как с помощью изменения выражения лица и мельчайших деталей движений передавать различные эмоции и намерения. В то же время он мог по мимике и жестам окружающих делать выводы об их внутреннем мире. Почему-то он всегда чувствовал, что в чертах Нин Хуна скрывалась тень беспокойства.

Она была глубокой и густой, словно чёрные тучи, нависшие над городом, окутанные плотным туманом, который невозможно развеять.

...

На северо-западе этого горячего источника находился небольшой холм, покрытый зеленью, где деревья и травы благоухали. Светло-зелёная фигура поднялась на холм, долго стояла на вершине и, наконец, с сожалением покачала головой, прежде чем быстро уйти.

Вернувшись в усадьбу, он вошёл в двухэтажный павильон с резными перилами и нефритовыми украшениями. Из-за светло-жёлтой занавески донесся насмешливый голос:

— Йо, этот призрачный культиватор оказался настолько невежлив, что даже наш господин Лоу получил от ворот поворот?

Лоу Цзюэ отодвинул занавеску и вошёл, с горькой усмешкой.

— Опоздал на шаг, кто-то уже успел раньше.

Молодой человек, который лениво сидел на красном деревянном стуле, закинув ногу на ногу, замер, услышав это, и с удивлением произнёс:

— Опоздал на шаг?

Лоу Цзюэ кивнул.

Он подобрал подол своего роскошного халата, сел за стол, выпрямив спину, как бамбук или сосна, и, согнув пальцы, легким движением направил их в сторону другого человека.

Светло-зелёный вихрь мгновенно сгустился на кончиках его пальцев, превратившись в поток света, похожий на зелёный лист, — и точно попал в колено того, кто сидел напротив.

— Ай!

Молодой человек вскрикнул от боли и резко опустил ногу.

Он полуприсел, массируя колено, и, подняв голову, с гримасой спросил:

— Ты опоздал, упустил шанс, а теперь срываешь злость на мне?

— Конечно, срываю, — спокойно ответил Лоу Цзюэ. — Если бы ты не отвлекался на ту девушку, я бы не опоздал.

Он закатал рукава и взял нефритовый чайник.

Наклонив носик, он налил в чашку изумрудный чай. Нежные листья, похожие на язычки птиц, вместе с насыщенным ароматом медленно стекали в чашку.

Подняв чашку, он проверил температуру чая и легонько сдул пену.

Пока Лоу Цзюэ пил чай, молодой человек рядом с ним уже закончил массировать колено и, разминаясь, встал, размахивая руками.

Скрестив пальцы, он с хрустом размял их и беззаботно сказал:

— Опоздал так опоздал, не пришёл и ладно. На испытаниях мы сможем поддержать друг друга, зачем нам ещё кто-то...

Молодой человек слегка нахмурил брови, и из его пальцев вырвался светло-золотой духовный свет.

Он и так был одет в роскошные одежды, украшенные нефритом и золотом, и теперь даже его духовный свет был золотым, делая его похожим на движущуюся золотую гору, излучающую одно слово — богатство.

В золотом сиянии молодой человек прищурился и начал рисовать в воздухе. Несколькоими штрихами он набросал смутный контур — стройную фигуру, окружённую чёрным туманом, где вместо лица был череп с пустыми глазницами, излучающими зловещий свет.

— ...Призрачный культиватор.

Смотря на свой шедевр, молодой человек с отвращением скривил губы и, подняв руку, нарисовал на черепе огромный крест.

Миниатюрный «Нин Хун» мгновенно исчез.

За его спиной Лоу Цзюэ согнул пальцы и, легонько постукивая по столу, спокойно сказал:

— Кун Цзя, если я не ошибаюсь, я уже дважды объяснял тебе причину.

Молодой человек, украшенный золотом и нефритом, с досадой повернулся.

Он повернулся так резко, что нефритовый подвес на его золотом поясе ударился о красный деревянный стол, издав звонкий звук.

Он нахмурился, глядя на Лоу Цзюэ, и пробормотал:

— Просто лень запоминать... Только не смей снова называть меня свиноголовым.

Лоу Цзюэ, держа чашку, промолчал.

Но под чашкой его изящные губы слегка приподнялись, и он бросил на собеседника взгляд, полный смысла.

Продолжая смотреть на него, Кун Цзя сдался.

— Ладно, не надо повторять, я не хочу вникать в эти сложности.

Он с досадой сел у стола, прислонившись к резному окну, и достал из кармана веер, развернув его и лениво помахивая им.

— Мне больше интересно, кто же смог опередить тебя?

Лоу Цзюэ слегка задумался.

Чай в белой нефритовой чашке крутился, и на его поверхности отражались черты его лица. Лоу Цзюэ опустил веки, и перед его глазами вновь возник образ, который он видел на холме.

Помолчав, он неуверенно сказал:

— Это был... очень красивый человек.

— Красивый?

Кун Цзя загорелся, сложил веер и, прижав его к груди, с любопытством спросил:

— Неужели девушка? Давай, расскажи — насколько красивая?

— ...Ты только о девушках и думаешь?

Чашка опустилась на стол, и вода забурлила, брызнув несколькими каплями.

Лоу Цзюэ поставил чашку и с глубоким вздохом произнёс:

— Это был мужчина.

— ...Фу, мужчины какие могут быть красивыми?

Услышав, что это мужчина, Кун Цзя сразу потерял интерес.

Он усмехнулся, откинулся на подоконник, выглянул вниз, затем снова вернулся и начал скучающе играть с веером.

Лоу Цзюэ же, вспоминая черты Хан Сяоши, долго размышлял.

Наконец, он с сожалением произнёс:

— Этот человек... я ему уступаю.

— О?

Кун Цзя с удивлением поднял голову и спросил:

— В чём уступаешь?

Лоу Цзюэ повернулся к нему.

Он смотрел на Кун Цзя, но его взгляд был расфокусирован, словно он смотрел куда-то далеко, а его мягкие глаза были окутаны лёгкой дымкой, скрывая его мысли.

Под прикрытием красного деревянного стола пальцы Лоу Цзюэ слегка сжались.

Он сохранял спокойствие и по-прежнему говорил ровным тоном:

— Чтобы завоевать чьё-то расположение, он не побоялся прыгнуть в горячий источник этого человека... Я не был бы настолько смелым.

— Ты называешь это смелостью?

Веер выпал из рук Кун Цзя и с глухим стуком упал на пол.

Но он даже не потрудился поднять его, только склонил голову и с недоверием произнёс:

— Это просто бесстыдство, не так ли?

— И это совсем не похоже на попытку завоевать чьё-то расположение, скорее на ухаживание... Неужели этот парень гомосексуалист?

— Не могу сказать наверняка, — спокойно ответил Лоу Цзюэ. — Что, тебе не нравятся такие?

— Не то чтобы не нравилось...

Кун Цзя почесал затылок, подумал и покачал головой.

— Пока это не касается нас, пусть делают что хотят.

Едва он произнёс это, как температура в комнате внезапно упала.

Словно лёгкий холодный ветер проник через окно, закрутился и пробрался под одежду, заставив молодого человека невольно вздрогнуть.

— Ладно, хватит об этом, скучно.

Видя, что Лоу Цзюэ опустил веки и выглядел не очень хорошо, Кун Цзя поспешил сменить тему:

— Давай поговорим об участниках этого года? Эй, я тебе скажу, девушки среди них просто красавицы, только что зашли две...

Спираль духовной силы внезапно ударила Кун Цзя по ноге.

Молодой человек схватился за колено, чуть не упав на колени у окна.

— За что ты меня ударил? — Кун Цзя, держась за колено, полуприсел и с возмущением посмотрел вверх. — Я просто смотрю, разве нельзя?

Лоу Цзюэ допил чай, вылил остатки и спокойно сказал:

— Ты стоишь неприлично.

Кун Цзя: ...

Чушь, просто завидуешь моей популярности у девушек!

...

Солнце клонилось к закату, облака окрасились в розовые тона.

В мгновение ока наступила ночь.

Хан Сяоши почти подпрыгивал, спускаясь с холма, и извилистая горная тропа казалась ему такой милой, камни — мужественными, ручьи — нежными, а ночь — очаровательной и яркой.

— Жаль только, что ночь наступила так быстро, иначе можно было бы ещё поболтать с Нин Хуном.

— Небо освобождённого района ясное, народ освобождённого района счастливый...

Он напевал бессвязную песню, повторяя одни и те же строки разными голосами, намеренно искажая слова, чтобы никто не услышал.

Радость, настоящая радость.

025 завершил своё задание по наблюдению и, лениво махая крыльями, вернулся, усевшись на плечо Хан Сяоши.

— Так радуешься? — спросил он.

— Конечно! — Хан Сяоши кивнул несколько раз.

В отличие от прошлой встречи, сегодня он смог привлечь к себе внимание Нин Хуна, и, помимо прекрасного телосложения, его речь и манеры также покорили Хан Сяоши.

Удачное свидание.

Сегодня вечером начну писать «Лунъян Хэхуань**»!

Что-нибудь очень интересное!

<http://bllate.org/book/15111/1334768>